

THE PROBLEM OF THE ECOLOGY OF THE SOUL IN VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "THE GIFT"

Abstract: Mental ecology is basically determined by one's picture of the world which consists of author's individual concepts. The article presents the reconstruction of the conceptual sphere of V. Nabokov's novel "The Gift". The content of the author's concept "Gift" is revealed through the antithesis of the two conceptual spheres: spiritual and utilitarian.

Author information:

Liudmila Salieva
Assoc. Prof., PhD
Lomonosov Moscow State University
✉ liudmila.salieva@gmail.com
🌐 Russian Federation

Keywords:
V. Nabokov; mental ecology; cognitology; world picture

Введение

Экология души – экология внутреннего мира человека, ментальная экология – определяется в основном его картиной мира. Картина мира, являясь совокупностью концептосфер, состоит из концептов. Мы понимаем концепт как когнитивную единицу, содержащую осмысленное (эмоционально-оценочное наполненное) понятие о выделенной единице действительности (материальной, духовной, реальной, воображаемой). Концепты и концептосферы могут быть как общественными (глобальными, национальными, этническими и т. д.), так и индивидуальными. В настоящей статье будет представлена реконструкция концептосферы романа В. Набокова «Дар».

«Дар» был написан Набоковым между 1935 и 1937 гг. Это его последний роман на русском языке, и рассматривается как прощание писателя с Россией. Каковы те смыслы, которые писатель хотел передать на прощание родине? Какой образ себя он проецировал в будущее? Каково было его человеческое кредо? Что он имел в виду, называя роман высоким словом *дар*?

Дар – главное ключевое слово и главный концепт романа. Принято считать, что *дар* здесь означает писательский дар [1, 2, 3, 7, 8]. Нашей гипотезой было следующее: 1) Авторская ценностная точка зрения закодирована в содержании концепта *дар*, 2) компонентное содержание концепта *дар* – концептосфера романа, 3) этим произведением Владимир Набоков продолжает диалог между Пушкиным и Митрополитом Московским Филаретом о смысле жизни. В 1828 году Пушкин написал: «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?». На это стихотворение Митрополит Московский Филарет отозвался следующими строчками: «Не напрасно, не случайно Жизнь от Бога мне дана; Не без воли Бога тайной И на казнь осуждена». В январе 1830 года Пушкин посвящает Митрополиту Филарету «Стансы», завершая их строками: «И ныне с высоты духовной Мне руку простираешь ты, И силой кроткой и любовной Смиряешь буйные мечты».

Вывод о том, что дар есть жизнь, мы сделали также на основании соположения заглавия романа, посвящения и эпиграфа. Ключевые слова располагаются в таком порядке: *дар – память – мать – Россия – смерть неизбежна*. *Дар* в противопоставлении *смерти* может означать только жизнь. Но возникает вопрос: с кем Набоков – с Пушкиным 1828 года или с Митрополитом Филаретом и Пушкиным 1830 года? Возможно два варианта толкования этой последовательности ключевых слов: либо дословное, и тогда жизнь – напрасный дар, либо антонимическое, и тогда – смерти нет, а жизнь вечна. Поскольку это текст Набокова, то вероятнее второй вариант, поскольку писатель никогда ничего не говорил прямо. Исследование показало, что наша гипотеза верна. Кроме того, было установлено, что содержание концепта *дар* раскрывается как содержание концептов *жизнь* и *смерть*.

Методология

Для реконструкции концептосферы романа мы пользовались методами компонентного, концептуального и логико-риторического анализа, а также методом сплошной выборки.

Результаты исследования [2, 3]

Понятие смерти обсуждается в каждой из пяти глав романа в связи со смертью того или иного персонажа. В начале первой и начале пятой (последней) главы мы находим следующие два рассуждения о смерти и жизни (первое в связи с воспоминаниями Федора о своем детстве, второе в связи со смертью Александра Яковлевича):

«... – все это самые ранние, самые близкие к подлиннику из всех воспоминаний. Я часто склоняюсь пытливой мыслью к этому подлиннику, а именно – в обратное ничто: так туманное состояние младенца мне всегда кажется медленным выздоровлением после страшной болезни, удалением из начального небытия, становящимся приближением к нему, когда я напрягаю память до последней крайности, чтобы вкусить этой тьмы и воспользоваться ее уроками ко вступлению во тьму будущую; но ставя жизнь свою вверх ногами, так что рождение мое делается смертью, я не вижу на краю этого обратного умирания ничего такого, что соответствовало бы беспредельному ужасу, который говорят испытывает даже столетний старик перед положительной кончиной, – ничего, кроме разве упомянутых теней...» [1, с. 44].

«Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы ..., он ответил: “Я жду, чтобы смерть начала первая”... В этом есть метафизическая негалантность, но смерть большого не стоит... Я знаю, что смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру да то, что сделали столяр и плотник... Опять же: несчастная маршрутная мысль, с которой давно свыкся человеческий разум (жизнь в виде некоего пути) есть главная иллюзия: мы никуда не идем, мы сидим дома. Загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия. В земном доме вместо окна – зеркало, дверь до поры до времени затворена; но воздух входит сквозь щели. Наиболее доступный для домоседных чувств образ будущего постижения окрестности, долженствующий раскрыться нам по распаде тела, это – освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии... Страшно больно покидать чрево жизни. Смертный ужас рождения» [1, с. 316–317].

Эти два рассуждения, первое о смерти, имеющей отрицательный вектор, второе – о положительном конце, раздвигают рамки подлинной человеческой жизни, жизни духа, в оба ее конца: рождение – смерть и кончина – рождение становятся только переломными моментами. И если в первом рассуждении о земной жизни сказано лишь то, что она является тенью некоего подлинника, то во втором – раскрыты образы земного и последующего бытия человека, образы, являющиеся логическим обобщением всего предшествующего повествования. Земная жизнь человека – дарованный ему дом, (темница?), покинуть который – значит уйти из жизни. Понять жизнь невозможно – окрестностей не видно, перед человеком лишь его собственное отражение в зеркале. Но можно ощутить истину «при нашем внутреннем участии», почувствовав воздух, проникающий сквозь щели. Развитие способности видеть, развитие внутреннего зрения (прозрения) – одна из главных целей человеческой жизни, которая может быть полностью реализована только «по освобождению духа из глазниц плоти» и превращения «в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света». Круг (рамка) метафоры жизни-смерти-жизни – глубинный каркас «Дара», который, сделав еще один виток, в конце романа дает нам идеал жизни и смерти, то есть человеческое кредо, автора.

Исследование методом сплошной выборки остальных рассуждений о смерти и жизни в романе привело нас к следующему.

Мир без человека мертв: неживая природа, мир вещей не восстают из небытия, живая природа безмолвно уходит в небытие. **Жив только человек.**

Но смерть вездесуща. По большому счету к смерти все привыкли. Смерть человека ничего не меняет в жизни мира, все продолжает крутиться по-прежнему, природа и люди (кроме самых близких) ее не замечают. Соблюдение ритуала, предназначенного для того, чтобы почтить память ушедших, либо превращается в фарс (как на собрании союза литераторов), либо все происходит исключительно формально по давно отработанному сценарию (как в случае похорон Александра Яковлевича). Человеческая душа в массе своей не отзывается на смерть, она слепа и глуха. В таком же состоянии оказывается и Федор Константинович, чуткий, сочувливый и

памятливый человек. Однако его непонятно-слепое состояние души, как и неосознаваемое поведение всех остальных, оправдано, и ответственность за все это возложена на кого-то, знающего в чем дело, ибо главное в чем-то другом, но не в физической смерти тела. **Телесно люди также смертны (мертвы) и также уходят в небытие, как и весь остальной мир.** Что же тогда жизнь?

Жизнь – это великолепная ткань, но мы способны видеть лишь ее изнанку, это сияние, но оно находится вне нашей слепоты. Жизнь – это книга, но прочитать ее мы не можем, потому что не знаем языка. Человеку не дано знать (религии он не очень доверяет), в чем дело и где главное. Замысел о твоей судьбе и о земной и другой жизни в целом неясен. А от **незнания, слепоты и страха перед смертью**, как перед экзаменом, к которому не готов. **Понять же все можно будет только потом, когда вырастешь из своего тела.**

Дверь в загробное чуть-чуть приоткрывается со смертью дорогих людей. Чужая смерть безразлична, своя страшит, и только смерть самых близких (любимых) людей поражает глубоко, она отключает человека от земного, ставит его на границе миров. Уход дорогих душе людей развивает сверхчувственные способности и тем самым отменяет саму смерть. Для близких люди не умирают, образы ушедших живут в их памяти, общение с ними не прекращается. Это и есть **воскресение**. Ведь тело – только наш двойник, нечто меняющееся, а **настоящий человек – это то, что способно любить.**

Истинные связи и в материальном мире (Федора с Кончеевым – автора с современной ему русской литературой) основаны не на физических контактах, а на **божественной связи, которая и есть осуществление** (в приведенном выше отрывке корень «-сущ-» меняет в итоге свое значение на противоположное: *в сущности* = в материальной действительности, *существование* = земная жизнь, *добраться до осуществления* = стать явью, *это и есть осуществление* = духовное воплощение).

Жизнь во всей полноте ее замысла – это бесценный, хотя и неведомый дар, он не от мира сего. Здесь же надо уметь быть ответственным перед своим даром, прозревать его смысл, культивировать его, благодарить за него, не разбазаривать, не жертвовать им даже ради самых близких, и тогда жизнь будет добра, и ты получишь проценты с капитала уже здесь на земле (ключевые слова данного ряда можно расположить в следующем порядке: хочется благодарить – 10 000 дней от Неизвестного – наши здешние дни только карманные деньги, гроши, звякающие в темноте – где-то есть капитал, с коего надо уметь при жизни получать проценты, в виде снов, слез счастья, далеких гор – оборотный капитал, нужный для частных целей – душа).

Всякое насильственное прекращение земной жизни, будь то самоубийство, смертная казнь или война, представляет собой противоестественный акт. Всякое оправдание подобных актов (сентиментально-умственное, болезненно-изысканное неоромантическое Яши, психолого-социологическое беллетриста в роговых очках, религиозно-романтическое Жуковского, патриотическое обывателя) – ложь, вздор, подлость, идиотизм, ибо не в воле человека распорядиться тем, о чем ничего не знает.

Дар человеку жизни наделяет его способностью дарить жизнь – одухотворять все то, с чем соприкасается его душа.

Таким образом, смерти нет, а жизнь не есть жизнь биологическая. Живет только то, что одухотворено. Жизнь – это дар духа от Неизвестного. Жить надо, служа этому дару и даря его всему окружающему, а умирать, – праздная окончание срока службы, – таково человеческое кредо автора и его послание будущему читателю, что и выражено в конце романа словами «одного старинного французского умницы»:

«...был однажды человек... он жил истинным христианином; творил много добра, когда словом, когда делом, а когда молчанием; соблюдал посты; пил воду горных долин (это хорошо, – правда?); питал дух созерцанием и бдением; прожил чистую, трудную, мудрую жизнь; когда же почувал приближение смерти, тогда вместо мысли о ней, слез покаяния, прощаний и скорби, вместо монахов и черного нотариуса, созвал гостей на пир, акробатов, актеров, поэтов, ораву танцовщиц, трех волшебников, толленбургских студентов-гуляк, путешественника с Тапробаны, осушил чашу вина и умер с беспечной улыбкой среди сладких стихов, масок и музыки... Правда, великолепно? Если мне когда-нибудь придется умирать, то я хотел бы именно так» (стр. 370).

Таков путь к бессмертию души – к тому загробному, где люди в золотых тубетейках.

Но человеку также дан особый дар сохранять бrenное и для относительной земной вечности. Это дар слова, способность именовать, но он дан только тем, кто принимает дар духа. Тот же, кто отрицает дар духа, оказывается лишенным дара слова, способности творить.

Композиция романа имеет вид спирали, в логических терминах – триады. Тезис: Земная жизнь в соответствии с духовными ценностями ведет к бессмертию. Она – дар Неизвестного

(образец – отец). Антитезис: жизнь по правилам утилитаризма – состояние смерти (жизнь Чернышевского). Синтез: жизнь как выбор между (1) и (2) (путь главного героя Федора Годунова-Чердынцева как отрицание материальных ценностей и обретение духовных).

Итак, в основе композиции антитеза двух концептосфер: мира духовного и мира утилитарного. Эти концептосферы имеют одинаковые компоненты-концепты, но с противоположным содержательным наполнением.

Духовный мир Содержание концепта	Концепт	Утилитарный мир Содержание концепта
+	Дар духа	-
Свет	Пространство	Мрачность, чернота
Гармония красок		Катастрофа красок
Тепло		Холод
Роза, ирис		Подсолнух (утилитарный цветок)
Вечность	Time	Настоящее
Отец	People	Чернышевских
Доверие Высшему	Бог	Будь вторым Спасителем
Святой Дух		Здравый смысл
Гегель	Philosophy	Фейербах
+	Дар слова	-
Все виды восприятия и познания, восприятие и познание как материального, так и духовного, непредвзятость, открытость, основа на предыдущем знании	Восприятие, познание	Слепота, отсутствие способности воспринимать непредвзято, навязывание своего видения всему, профанность и, отсюда – неспособность именовать
Образец именования	Пушкин	Вздор и роскошь, производитель «пошлой болтовни»
Познание, именование и передача знания; Перевод духовного в словесное; овеществление памяти;	Цель именования	Практическая цель: пропаганда или приобретение популярности
Единство мысли и формы; тщательная разработка слога; вкус, пленительный ритм	Стиль	путанный, туманный, бледный, долбящий, бубнящий, вялый, бедный, эпигонский
Всестороннее исследование	Подготовка к созданию текста	Самовыражение
Рост таланта, признания, слава в будущем, истинная любовь	Reward	Затухающий талант, забвение. Нелюбовь

Заключение

Ключевые слова в романе, такие как *дар, свет, радуга, жизнь, смерть, сущность, странничество* совершают в своем значении круг и возвращают себе духовное содержание, первоначальное в русской культуре. В этом и состоит завещание Владимира Набокова будущим поколениям, экология его души.

References:

1. Nabokov V. (1990) *Dar. Izbrannoe*. Moskva, S. 35–371.
2. Salieva L. K. (2005) *Ritorika «Dara» Nabokova. Rekonstrukciya izobreteniya*. Moskva,
3. Salieva L. K. (2012) *Ritorika romana Vladimira Nabokova «Dar»: figura mysli*. Moskva,